

това и Петра Взорова за пьянство, неповиновение к начальству и буйственные поступки употребить на 2 месяца на равне с рядовыми на службу» (ЦИАМ. Ф. 433. Оп. 4. Д. 71). Бедственное положение Отечества не смогло удержать молодых врачей от несвоевременного в данных обстоятельствах разгула. Михаил Андреевич, судя по всему, причастен к такому не был.

«Все наполнено мертвыми телами...»

Итак, в двадцатых числах августа 1812 г. Михаил Андреевич начинает карьеру практикующего военного медика. Он попадает в самое пекло – в огромный, только что учрежденный армейский госпиталь. Бывший елизаветинский дворец, обращенный императором Павлом в казармы, ныне волей Ростопчина становится приютом для тысяч и тысяч воинов, доставляемых с Бородинского и иных ратных полей. И хотя в формулярном списке Михаила Андреевича в графе «В походах против неприятеля и в самых сражениях был или нет и когда именно?» скромно значится «не был», он, пожалуй, может быть признан участником Отечественной войны.

30 августа генерал-губернатор граф Ростопчин известил московских жителей в своей десятой афишке: «Сюда раненых привезено; они лежат в Головинском дворце, я их осмотрел, напоил, накормил и спать положил. Вить они за вас дрались, не оставьте их... Вы и колодников кормите, а ето Государевы верные слуги и наши друзья – как им не помочь!». 1 сентября, когда вопрос об оставлении Москвы уже решен, судьба раненых все еще под вопросом. Не весьма жалующий Кутузова Ростопчин пишет в этот день супруге: «Бросают 22 000 раненых, а еще питают надежду после этого сражаться и *царствовать!*». Только вплотную придвинувшаяся катастрофа может извинить этот немислимый для сановника такого ранга тон. Но в девять вечера того же дня внезапно отдается приказ о выводе госпиталей. Более 20 000 человек помещаются на подводы, тысячи ходячих офицеров и нижних чинов двигаются пешком. (В Москве было оставлено около 2000 «нетранспортабельных» тяжелораненых и больных, из коих по освобождении города в живых оказалось не более 300 человек.) М.А. Достоевский следует за отступающей армией. «Этот караван, – говорит Ф.В. Ростопчин, – беспримерный в истории чрезвычайных событий, прибыл в Коломну на четвертые сутки. Больных переместили на суда и спустили по Оке». Суда направились в Касимов, туда же раненые двигались сухим путем – через Рязань. Похвальный аттестат, полученный в касимовском госпитале еще не закончившим курс медицинским студентом, стоил, пожалуй, иных боевых наград.

Французы вышли из Москвы в десятых числах октября. Окрестности города были усеяны трупами – человеческими и скотскими. На Бородинском поле сжигали мертвые тела и тысячи убитых лошадей. «За пятнадцать верст от Москвы, – сообщает в письме современница, – уже становится тяжело дышать: колодцы, овраги и рвы вокруг Кремля – все наполнено мертвыми телами; их даже трудно отыскивать, и потому меры, принимаемые против зла, недостаточны».

Опасались чумы: ее, к счастью, удалось избежать, но угроза эпидемии оставалась. «...Во многих деревнях, – сообщает та же корреспондентка, – есть дома, в которые никто не смеет входить; находящиеся в них умирают или оживают, будучи оставлены на произвол судьбы». Второй похвальный аттестат, полученный Михаилом Андреевичем за командировку в Верецкий уезд и усилия по прекращению «свирепствовавшей повальной болезни», – доказательство его рвения и на этом опасном поприще.

У нас практически нет сведений о службе М.А. Достоевского в Бородинском пехотном (бывшем Московском гарнизонном) полку, куда он получил назначение в сентябре 1813 г., уже после выпуска из Академии. Из-